

Коппиг Артур

15.10.03

АРТУР КОППИТ:

Публика должна нервничать

В период фестиваля в Москву приехал популярный американский драматург Артур Коппит. Московские зрители могли в 80-е годы видеть одну из его пьес, она называлась "Папа, папа, бедный папа..." и шла в Театре сатиры. А Коппит, чей первый драматургический опыт состоялся в 1957 году, — автор пьес "Индейцы", "Крылья", отмеченных премией Пулитцера, "Дорога к Нирване", "Конец света", "Явсему" и других. Пишет либретто к бродвейским мюзиклам, переводит Ибсена, руководит мастерской молодых драматургов в Нью-Йорке, сотрудничает с театром "Lark", который занимается развитием современной драматургии. Театровед Джон Фридман, собственный корреспондент газеты "Moscow Times", организовал встречу А.Коппита с российскими драматургами. В процессе беседы, в которой приняли участие Виктор Коркия, Петр Гладылин, Ольга Мухина и Максим Курочкин, выяснилось, что условия для творчества и самореализации театральных писателей в США далеко не так безоблачны, как это кажется их российским коллегам. А по части ответственности за слова, вышедшие из-под пера, дело обстоит куда жестче и определеннее, чем у нас.

— В 60-е годы, — говорит Артур Коппит, — в США ставилось гораздо больше новых интересных пьес. А сейчас появилось нечто вроде негласной цензуры. Большинство театров существуют на деньги крупных корпораций. Хотя они и декларируют идею: что хотим, то и ставим, но на самом деле над ними определенно довлеет экономический фактор. К примеру, если в вашей пьесе много персонажей, вам явно трудно будет ее пристроить, ибо театрам это обойдется недешево. Если же мысли, высказанные в вашей пьесе, могут произвести негативное впечатление на некую группу влиятельных людей (вообще-то, так и должно быть, иначе зачем писать?), то вам, скорее всего, тоже откажут. Вдруг у вас плохо выглядят представители, например, компании "Кока-кола"? Вдруг зрители, посмотревшие эту пьесу,

выйдут на демонстрацию против этой компании? Театрам, существующим на средства от крупных предприятий, такие неприятности вовсе ни к чему. Театр, таким образом, сегодня весьма уязвим в смысле любых протестов и громких социальных акцентов. Если фирма "Nike" спонсирует театр, а там идет пьеса про эксплуатацию рабочих из стран третьего мира, то такому театру в следующем сезоне денег от "Nike" не видать. Национального же театра, то есть государственного института, не зависящего от конкретного "кошелька", ныне в США практически нет.

Правда, есть театры, живущие как бы на границе мейнстрима. Вот они-то и ходят по острой политической опасности. Там против чего-то протестуют, и туда с удовольствием ходят люди. Но у таких театров, как правило, нет больших помещений. Замахнувшись же на большой зал, они попадают в финансовую зависимость и становятся более законопослушными. Замкнутый круг.

Из сказанного, кажется, следует, что наш вид цензуры, совсем недавно почивший в бозе, отнюдь не единственный в мире инструмент творческой несвободы. Далее американский писатель заговорил о гонорах и пошатнул еще одно российское убеждение — в прибыльности на Западе писательского труда.

— Можно, конечно, зарабатывать на жизнь и пьесами, но я не видел пока никого, кто становился бы драматургом ради заработка. Театр может заказать автору пьесу или купить лицензию на ее постановку. В случае удачи драматург будет получать процент от сборов. Иногда — меньший ожидаемого. Но никогда — больший. Пьесу пристроить весьма трудно. Иногда бедолага до того рад, что, кажется, на все готов: красить в этом театре стены, пылесосить полы. У нас в стране есть профессиональная гильдия драматургов, которая пытается защищать их права, в том числе и от "пылесосов".

Упомянутый уже театр "Lark" — уникальная организация. Здесь не ставят пьес, а помогают довести их до профессионального совершенства.

Это некая теплица, где автор получает возможность написать то, что хочет, не думая об успехе.

Российский драматург Ольга Мухина имела счастье недавно поработать в этом театре, ее пьесу "Ю", пронизанную особым московским колоритом, пытались не только перевести на английский язык, но и приспособить к американскому образу мыслей. Удалось ли это?

— В таких случаях, — считает Коппит, — пьеса теряет аромат и душу. Есть такой тип пьес, которые в другой стране надо писать заново. Ибо самое важное в них то, что написано между строк.

Это утверждение особо ценно в устах крепкого профессионала, ценящего в искусстве драмы ясность мотивов и действий, а также известную остроту социального видения. Собственно, его деятельность в театре "Lark" и есть желание услышать и поддержать людей, видящих мир иначе, чем он сам. Наши же театральные сочинители проявили в ходе беседы как раз не "загадочную российскую душу", а, напротив, вполне трезвый и хорошо конвертируемый подход к делу: "Пьеса, как человек, живет самостоятельной жизнью", — сказал П.Гладылин. — Одну мою пьесу никто не хотел брать. И я понял, что просто родил не то". А В.Коркия добавил: "Хорошая пьеса — это такой текст, который можно выбросить в форточку, но через полгода увидеть его на сцене".

Американский гость воздержался от оценок увиденного на фестивале "Новая драма". В заключительном слове он вновь вернулся к театральной ситуации в США. Однако сказанное им оказалось весьма близко к происходящему в наших театральных пенатах.

— Театры с удовольствием ставят классику. Они думают, что это безопасно. На самом деле это вовсе не так. Вообще, в хорошем театре всегда таится опасность. Для новых пьес нужны театры, стоящие в стороне от официальной магистрали. И люди, входящие туда, обязательно должны немного нервничать.

Наталья КАМИНСКАЯ

Купюра — 2003 — 9-15 окт — 011